

**«МЫ – ИЗ УРАЛЬЦЕВ»: СТАНОВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСПИТАННИКОВ УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО
УЧИЛИЩА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.***

В последние десятилетия в историографии российского образования возрос интерес к социально ориентированной истории. Объектом особого внимания историков стали проблемы корпоративного строя, культуры, социальной психологии, политического облика студенческого социума¹. По большей части, однако, предметом исследования ученых становится университетское сообщество, представленное в столичных и немногих губернских городах. Социальный облик и поведение учащихся средних учебных заведений, игравших активную роль в культурной и общественно-политической жизни русской провинции, изучены пока слабо. В уездном Екатеринбурге одним из таких учебных заведений было Уральское горное училище.

Училище возникло в 1852 г. по инициативе главного начальника уральских горных заводов генерала В.А. Глинка. Представления генерала о правилах образования и воспитания кадров военизированной горной службы легли в основу «Положения об учебных заведениях уральских горных заводов», которое было официально одобрено 31 декабря 1852 г. Уральское горное училище, в соответствии с этим Положением, было закрытым учебным заведением. Воспитанники жили в пансионе под строгим наблюдением служителей и надзирателей и обучались, помимо горной техники, армейской выправке и маршировке. Свидания с родителями им разрешались только дважды в неделю, и то в присутствии надзирателя. Для «нерадивых и замеченных в каких-либо проступках воспитанников» существовала целая система наказаний, включавшая порку розгами и заключение в карцер.

Совместное существование в сложных условиях быстро сплачивало молодых людей, возраст которых составлял от 14 до 20 лет. Коллективная идентичность учащихся начала формироваться еще в 1860–1870-х гг. в студенческих объединениях, студиях, самодельных кружках. В Уральском горном училище действовал драматический кружок, выпускались ученические журналы: «Свободное время», «Новое время», «Среда», «Уралец» (последнее наименование постепенно вошло в обиход как самообозначение студентов училища). У «Уральцев» складывались общие символы, ценности и ритуалы, выделявшие их в городском сообществе.

* Работа выполнена по гранту РГНФ-Урал №11-11-66008 а/У «Профессионализация в контексте российской раннеиндустриальной модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.)».

Одним из таких знаковых символов была студенческая форма. Горный инженер И.В. Шишкин, закончивший курс училища в 1904 г., вспоминал, что «надев форму Уральского горного училища, вновь поступившие в училище очень быстро делались “взрослыми”, ибо Уралец – это, прежде всего, взрослый человек. Так говорили молодежи старшие по классу и по возрасту товарищи. Если до поступления в училище через загородь бульваров считалось особым шиком перепрыгнуть, а не пройти там, где люди ходят, то, надев форму Уральца, самый подвижный паренек через эти загороди уже не перепрыгивал, а чинно шел там, где идут и другие»².

В конце XIX в. многие ребята гордились своей принадлежностью к горной службе. Инструкции предписывали учащимся Уральского горного училища приветствовать преподавателей и чиновников горного ведомства по военному артикулу, а при встрече с главным начальником горных заводов – становиться во фронт. «Нечего греха таить, – писал И.В. Шишкин, – отдавать честь новичкам очень нравилось и нередко молодой Уралец обгонял какого-нибудь старика горного инженера, возвращался, отдавал этому старику честь, немного погодя опять возвращался, перегонял этого старика и шел своей дорогой»³.

Корпоративно объединяли студентов праздники и балы, которые ежегодно устраивались администрацией Горного училища. Балы проводились в помещении Дворянского собрания, зале Маклецкого, Общественном собрании. Билеты для приглашенных и атласные программы вечера продавались участникам по одному рублю. Выручку тратили на угощение гостей и бальный оркестр. И.В. Шишкин вспоминал, что Уральцы старались поддерживать престиж своего учебного заведения и вели себя на балах весьма пристойно. «Не было ни одного случая, чтобы на своих балах хотя бы один Уралец был в нетрезвом состоянии. Навеселе, может быть, кто-нибудь и был, но нетрезвым не было ни одного»⁴. На бал приглашались дамы. В стенах Горного училища почти ежедневно с 9 до 10 часов вечера проводились танцы, где «отплясывали пансионеры», здесь они не стеснялись своего пролетарского происхождения. И.В. Шишкин писал, что танцы обычно заканчивались отчаянной пляской русского, во время которой «топот поднимался необычайный».

К корпоративным основам сообщества апеллировала практика поведения студентов вне стен училища. Одним из их любимых занятий студентов в свободное время, судя по мемуарам, было посещение городских театров – драматического и оперетты. Преподаватели поощряли это увлечение. В театр студенты обычно ходили компаниями, стараясь получить лучшие места на галерке. «Чтобы “завоевать” эти места, Уральцы ходили “жаться”. Задача заключалась в том, чтобы к моменту открытия двери, ведущей с улицы на галерку, у этих дверей было не меньше двух человек здоровяков Уральцев, которые пропускают через дверь только Уральцев, а всех посторонних (переодетые реалисты, гимназисты, служащие и т. п.) не пускают, загородив собою дверь. Пропущенный Уралец со всех ног летит на галерку, раскидывает на лучшие места шинель, фуражку и даже ремень и

таким образом право сидеть для себя и для своих товарищей оказывалось “честно” заработанным. В этом деле были победы, но были и поражения. “Отжимать” противника можно было только локтями и ногами. Нарушительно правил попадало и от своих, и от противника»⁵.

Внутри училища попытки коллективных действий по защите прав учащихся встречали сопротивление администрации. Первоначально контроль был достаточно эффективным, и администрации удавалось поддерживать принятый в училище порядок и верноподданнические настроения. Примером может служить случай студенческой шалости, записанный в речи горного техника Е.Н. Короткова, который закончил училище в 1870 г.: «После вечерней молитвы инспектор шел по обыкновению в спальню проверять наличность учеников. Кто-то сзади легонько свистнул, а человека два-три засмеялись. Инспектор вернулся найти свистнувшего, в это время в другом конце спальни уже свистнули громко, что вызвало еще больше хохота. Инспектор ушел, но через полчаса снова является и снова появляется хохот и свист. Как раз в это время входит Н.К. [Чупин] со свечой в руке. Все утихло и тишина продолжалась с полминуты, наконец, Н.К. громко сказал: “Господа, стыдно: всякий гражданин да повинуется законам своего Отечества”. Повернулся и ушел. Эти слова подействовали на всех учеников, как ушат холодной воды и назавтра едва ли не всем было стыдно перед инспектором. Досталось от остальных и виновникам»⁶.

Постепенно, однако, конфронтация в училище нарастала. В случаях личного оскорбления кого-то из учащихся, их интеллектуального принуждения или других вызовов администрации ученики занимали согласованную позицию и нередко добивались своего. И.В. Шишкин писал, например, что в начале XX в. в училище воспринималась как никому не нужная обуза и унижение личности принятая система духовно-нравственного воспитания. Студенты всячески сопротивлялись ей: «Вот, например, Николай Ш. и Борис С. во время причастия поменялись именами. На вопрос дьякона “Как звать” Николай Ш. называет себя Борисом, а Борис С. называет себя Николаем. Во время пения “Богородицы” на утренней или вечерней молитве очень многие поют “и мать кузьки нашего” вместо “и мать бога нашего”. Чтецам, входившим в церкви за амвон читать шестипсалмие, обычно наказывали “не тянуть” и были такие чтецы, которые ухитрились пятый псалом и всю процедуру проделать в пять минут: стоит паренек и трещит как пулемет на радость своих приятелей»⁷.

Более осознанными и настойчивыми были требования учащихся по защите своей чести и достоинства. Когда во время урока учитель Головачев, получивший прозвище «пожарный» за свою привычку браниться, обозвал ученика «дрянью», все ребята поднялись и вышли из класса. На перемене они написали Головачеву письмо с требованием извиниться за оскорбление и впоследствии быть вежливым. Вплоть до публичных извинений учителя и его заявления о том, что впредь он будет впредь с учащимися «изысканно вежлив», занятия не продолжались, ученики отказывались отвечать на поставленные учителем вопросы⁸. Протестовали ребята и против проведения

уроков преподавателями, которые слабо знали свои предметы. Однажды учитель черчения во время объяснения перепутал призму с пирамидой, после чего первокурсники встали и дружно покинули класс⁹.

Политическая субкультура учащейся молодежи формировалась в русле отечественной и зарубежной социальной мысли. И.В. Шишкин вспоминал, что многие Уральцы любили читать, литературу они брали в своей училищной библиотеке и другие книжных собраниях Екатеринбурга (библиотеке имени Белинского, частной библиотеке Клушиной и др.). «Чтение таких писателей, как Тургенев, Добролюбов, Писарев, Достоевский, Толстой и других корифеев русской литературы считалось совершенно необходимым. Чтение В. Гюго, Эксмана, Шатриана, Шатобриана и других было не редкостью. Немного увлекались и чтением Ч. Дарвина. Делу самообразования служило также то, что Уральцами посещались открытые заседания Общества любителей естествознания, заседания Общества уральских техников». В конце XIX–XX вв. пришло увлечение трудами Маркса. В училище было много нелегальной литературы, которая хранилась под подоконными железными листами. Групповое чтение, споры, дискуссии формировали мировоззрение Уральцев и, как пишет И.В. Шишкин, «тот религиозный налет, с которым приезжали в училище учащиеся из дома, постепенно исчезал и к моменту окончания училища вырабатывались из учащихся безбожники не только по форме, но и по существу»¹⁰.

Трудно судить о том, каковы были общественно-политические убеждения всех учащихся Горного училища. Советские авторы утверждали, что они находились под крылом местной большевистской организации. Управляющий училищем П.И. Паутов считал, что взгляды его подопечных были более разнообразны. В 1907 г. он доносил в Горный департамент: «Воспитанники Уральского училища, как дети заводских служащих и рабочих, как более возрастные в среде учащихся Екатеринбурга, всегда были особенно восприимчивы к социалистическим учениям. Привлечение их к ответственности по политическим делам служит указанием сопричастности учеников Уральского горного училища ко всем современным течениям и проявлениям политической жизни»¹¹.

В 1905–1907 гг. учащиеся Горного училища оказались втянуты в воронку революционной борьбы. События революции и участие в ней учащихся средних учебных заведений Екатеринбурга подробно описаны в литературе и воспоминаниях большевиков. Член Екатеринбургского комитета РСДРП К.Т. Свердлова писала: «Уральцы были близки к рабочей среде, и, окончив училище, тотчас же возвращались в рабочую обстановку. В подпольные организации “уральцы” шли, твердо обдумав свой юношеский путь. Революция была для них родным делом. Екатеринбургская организация давала “уральцам” серьезные задания, которые часто были связаны с риском. На “уральцев” надеялись»¹². Учебные занятия в Горном училище осенью 1905 г. были, по сути, сорваны. Ученики ходили на митинги, писали общую петицию на имя министра финансов, посещали занятия школы пропагандистов. Для прекращения дальнейшей радикализации учащихся

главный начальник уральских горных заводов решил временно закрыть училище. В декабре 1905 г. пансионерам предложили в трехдневный срок очистить интернат и разъехаться по домам. Занятия восстановились только осенью 1906 г., но в училище приняли не всех. Девять бывших пансионеров полиции привлекла к ответственности по делу Екатеринбургского комитета социал-демократической рабочей партии. Полицейский надзор над студентами не прекращался и впоследствии, что остудило многие горячие головы. Пансион как рассадник революционных настроений был закрыт.

Условия жизни и обучения Уральцев после поражения революции 1905–1907 гг. заметно изменились. В 1908 г. было введено новое Положение о Горном училище, которое улучшило права его выпускников. В 1910 г. в учебную программу учебного заведения были включены новые предметы: электротехника, электрометаллургия, законоведение применительно к горнозаводскому делу, основы бухгалтерии и коммерческой электрометаллургии, теория словесности, история русской литературы, немецкий язык с техническими переводами. Для желающих стали преподаваться французский и немецкий языки¹³. Хотя училище и продолжало считаться одним из центров «крамолы» в городе, многие его питомцы предпочли отказаться от политических акций. Приоритетными для них стали вопросы профессионального обучения и будущей служебной карьеры. Об этом свидетельствует профессор Уральского горного института А.И. Веселов. Он писал: «Мои воспоминания об Уральском горном училище относятся к 1911–1915 годам, когда я и мои одноклассники (В.В. Данилов, С.Г. Мокрушин и К.В. Кочнев) учились в нем. Уральское горное училище пользовалось хорошей репутацией на предприятиях горной промышленности Урала, Сибири. Это объяснялось хорошей подготовкой горных техников, которые нередко занимали инженерные должности»¹⁴.

После революции 1917 г. Горное училище было преобразовано в Уральский рабочий политехникум, а затем – Уральский горнозаводской и строительный техникум для подготовки техников-металлургов, горняков и строителей. Это были уже новые учебные заведения. Авторы труда, посвященного уральской школе техников, справедливо заметили, что «дело отнюдь не ограничивалось одним изменением названия – с ним пришел и действительно новый «дух»¹⁵. Уральское горное училище и населявшие его Уральцы остались в прошлой жизни.

Примечания:

¹ См.: Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека в Казани XIX века // Адам и Ева. 2001. № 7. С. 172–201; Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обыватели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006; Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009.

² ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 365. Л. 24.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.30.

⁵ Там же. Л.26.

⁶ Там же. Д. 364. Л. 36.

⁷ Там же. Д. 365. Л. 29.

⁸ Там же. Л.40.

⁹ Сто лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С. 70.

¹⁰ ГАСО. Ф. 93. Оп.1. Д. 365. Л. 28.

¹¹ Сто лет горнотехнической школы на Урале. С. 83.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ Уральская школа техников. Свердловск, 1971. С. 79.

¹⁵ Там же. С. 88.